

— Наталья Петровна, вы красивая женщина, броская, помимо работы в музыкальном ансамбле, в плане творчества, в вашей жизни происходит масса интересного. И все же каково было начало?

— Мое детство прошло в Киеве. Мама была артисткой Театра оперетты, так что я типичный закулисный ребенок и в прямом смысле росла в театре, ездила на гастроли. На репетициях и спектаклях разносила артистам обувь, и этот запах меня преследует до сих пор, уже здесь, и я его обожаю. Судьба моя — идти в артистки — была практически predetermined. Еще будучи школьницей, я занималась в студии при Киевской оперетте. Потом были Москва и ГИТИС — отделение музыкальной комедии.

— К кому вы пришли на курс?

— К Л. Свердлину, но спустя год он ушел из жизни, и курс возглавил Михаил Борисович Мордвинов, а вокалом я занималась у Ирины Ивановны Масленниковой.

— А почему в результате все получилось по-другому? Вроде бы вокал у такого педагога, а певческая карьера не сложилась?

— Начиналось все замечательно. Ирина Ивановна до сих пор вспоминает, какой у меня был прекрасный голос, красивый тембр. Просто случилась беда со связками, пришлось делать операцию и расстаться с пением навсегда.

Когда это произошло, меня взял к себе на режиссерское отделение Борис Александрович Покровский, у него я и закончила институт. С отличием. Свой дипломный спектакль поставила в Красноярске. Потом по распределению попала в Ивановский театр музыкальной комедии, где проработала год. В общем, много ездила.

«Все, что дает судьба, — замечательно», — говорит Наталья Красноярская

— А почему вы пошли именно в режиссуру, а не на актерский факультет?

— У меня был щадящий голосовой режим. Да и все как-то само собой сложилось, и в конечном итоге — очень удачно. А потом Борис Александрович пригласил меня на стажировку в Большой театр, где я стажировалась очень долго, и наконец стала режиссером миманса.

— А не жалеете?

— Я никогда ни о чем не жалею. Нельзя жалеть. То, что судьба посылает, нужно принимать без сожаления. Неизвестно, где бы я была, сложись все иначе. И куда бы меня с моим замечательным голосом занесло.

А сейчас параллельно с Большим театром я могу заниматься тем, что мне интересно. Я и аспирантуру закончила, и преподавала актерское мастерство в институте.

— Вы преподавали в ГИТИСе?

— Да, на факультете музыкальной режиссуры. Потом была главным режиссе-

ром Народного оперного театра при Центральном доме культуры железнодорожников. Вслед за этим 13 или 15 лет (сейчас трудно сказать точно) была актрисой театра «Сфера». Там сыграла много интересных ролей, снималась в кино. Так что была большая и плодотворная творческая жизнь.

— Ну, она и сейчас, наверное, продолжается? Знаю, что вы сделали спектакль в одном из камерных драматических театров...

— Да. Был спектакль, но...

— Это было неинтересно?

— Не то, чтобы неинтересно, просто это не имеет никакого выхода. Ну, сделали и сделали. А вот то, чем я по-настоящему горжусь, — это, вышедший около пяти лет назад в театре «Сфера» спектакль «Клетка», где вместе со мной играют В. Соломин и Д. Назаров. Эта пьеса о вечном и на века, не привязанная ни к определенному месту, ни ко времени, ни к стране. Именно поэтому, наверное, где бы мы ее ни играли, она всегда проходит на ура. Зрители неизменно рыдают и не

отпускают со сцены после спектакля минут по пятнадцать. Это очень приятно. С «Клеткой»

мы объездили всю нашу страну, Прибалтику, были в Америке и Израиле. И везде нас великолепно принимали. В творческом плане подобное всегда радостно. Что же касается спектакля, о котором вы меня спросили... Художественный руководитель труппы «Блуждающие звезды» пригласил меня поставить там несколько спектаклей и организовать творческую жизнь. Какое-то время я этим занималась, но сложно это сейчас. Из-за безденежья через какое-то время все неизбежно разваливается.

— А что еще вы репетируете сейчас, помимо Большого театра?

— Сейчас я ничего не репетирую вне. Зато у меня есть одно большое «творческое дело» — внучка растет, и ею я с огромным удовольствием занимаюсь.

— Ваша дочь тоже актриса?

— Да. Она закончила Щукинское училище, а сейчас работает в театре «На Покровке» у Арцибашева. Не знаю, как у нее сложится судьба, театр ведь молодой и не похожий на другие...

— Но пока ей нравится?

— Трудно сказать, она работает только полгода и пока мало занята в репертуаре. У нее есть параллельное увлечение — театр «Ученая обезьяна». Они сделали исключительно талантливый и забавный спектакль — «Город мышей».

— А вам никогда не хотелось уйти из Большого театра, бросить миманс?

— Нет. В силу того, что я никогда не хотела заниматься чем-то одним да и не смогла бы. И куда уйти? В серьезную режиссуру? Раньше я не верила в утверждение, что режиссер — не женская профессия. Сейчас поняла: это действительно так.

— А как же Яновская, Волчек?

— А кто вам сказал, что они женщины?

— ???

— ...Режиссер должен быть немножко сволочным. Я не такой человек. У меня есть твердость в характере, но этого мало. На многое надо закрывать глаза. А у меня обостренное чувство справедливости. Я пережила много разных этапов в жизни Большого театра. Было время, когда очень дергалась по поводу своей неустойчивости, но потом поняла: мне же лучше. Я езжу почти во все поездки, а это не только материальная поддержка, но и (что главное) расширение кругозора. Поняла, что у меня счастливая судьба.

— А если бы вам предложили поставить оперу? Не у нас, а где-нибудь на стороне? Или вы еще не готовы?

— Уже готова. Сейчас у меня есть силы для борьбы с теми, кто мешает делать спектакль. А мешают абсолютно все. Хотя борьба и идет во вред творчеству. Очень мало людей в театре, кто бережно относится к самому процессу создания спектакля.

— Может быть, это потому, что театр — Большой?

— Может быть...

— В нашем театре в принципе возможны компромиссы?

— Трудно сказать. Конечно, хотелось бы, чтоб они случались, но ведь у нас очень плохая организация самого процесса создания спектакля. Этим должны заниматься люди не узкой специализации. В нашем театре любой спектакль может иметь место, в любой стилистике, главное, чтобы он был талантливо сделан. Были же у нас «Мертвые души» — спектакль потрясающий. А многие, помнитесь, не хотели его петь. Говорили — не удобно, не красиво. А сейчас те, которые плевались, вспоминают его с восторгом. А «Семен Котко»? Я вся обрелась, такое он оказывал эмоциональное воздействие.

— А если помечтать, что бы вам хотелось самой поставить?

— Думаю, что мне не важно, какая музыка — современная или классическая, в первую очередь я бы отталкивалась от драматургического материала, от того, насколько интересно это можно сделать с режиссерской точки зрения. В мои задачи не входило бы то, как это будет спето, — это задача дирижера. Мое дело — обеспечить гармоничное сочетание пения и действия на сцене. Конечно, хорошо, когда и поют пристойно. Но это идеальный случай. Ужасно не люблю спектакли, где много «соплей». Ненавижу «Травиату». Это отвратительно фальшиво, когда на сцене патологически умирают и кашляют, я и в драме этих вещей не люблю. Мне эстетически это не близко.

— Но ведь даже в слезливой «Травии» можно расставить другие акценты?

— Можно, но почему-то никто этого не делает. Наверное, издержки вкуса. Хороший вкус — это большая редкость в жизни, а в театре особенно. Мне в этом смысле колоссально повезло, я с самого начала своей творческой жизни была рядом с Б. А. Покровским и видела, что хорошо, что плохо, что пошло, что прекрасно. Он научил меня отбирать, отфильтровывать все плохое.

— Вы никогда не жалели (размышляя в ночи) о том, что из вас певица не получилась?

— Нет. Я много думала, много читала умных книжек и поняла: все, что ни делается, все к лучшему. Нужно все принимать таким, как есть. Все, что дает судьба, — замечательно. Это моя судьба, и другой у меня не будет, и во всяком плохом нужно искать положительные моменты.

Интервью подготовила
Е. ЛЕБЕДЯНСКАЯ.